

сам факт обращения к конкретному произведению свидетельствует о поиске ценностей «Постижение ценностей музыкального произведения... — утверждает Г. Коломиец,— осуществляется через ценностные ориентиры, установки воспринимающего. Каждый вычитывает свой смысл, найдет свой идеал и ценности, создаст свой иллюзорный мир» [4, 79].

Каждый человек в духовной жизни идет к своим вершинам. И музыка может стать на этом пути важным помощником. Умение человека видеть в произведении высшие ценности бытия — Истину, Добро, Красоту — свидетельствует о развитости его духовного мира, о способности видеть и понимать главное в жизни. Такой человек не пройдет мимо истинного произведения искусства и приложит все силы для того, чтобы приобщить его к своему внутреннему миру.

1. Кашин В.В. Онтологические и гносеологические проблемы генезиса понимания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2000.
2. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки. М., 1993.
3. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л., 1971.
4. Коломиец Г. Философско-антропологический статус музыки: аксиологический аспект // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2006. № 5.

С.О. Белоусов
Нижний Тагил

ЧЕРТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В середине XIX века известными русскими историками государственной школы М.П. Погодиным, а впоследствии С.М. Соловьевым и А.Д. Градовским была выдвинута идея культурной однородности России в пространстве и слабой выраженности территориальной укорененности. В конце XX века попытка модернизировать эту концепцию предпринимается не только историками. Филологи, политики и культурологи порой расходятся во мнениях. Л.В. Смирнягин заявляет об «аспатиальности русской культуры» [1], включающей «ослабленность реакции на пространство» и отсутствие региональной идентичности. М.П. Крылов под региональной идентичностью понимает системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая

родина». Он считает, что в региональной идентичности сочетаются аспекты собственно географического пространства с доминантой топонимики (идентичность рязанская, тамбовская и т.д.) и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм». Его опровергает В.А. Куренной [2], полагающий его вторичным от присутствия некоторых общезначимых ценностей, внешних по отношению к «родине», и считает ошибочной позицию: «мы должны любить нашу родину только за то, что она наша».

Ряд авторов отрицает (в разной редакции) существование российской региональной идентичности, говоря о «кризисе идентичности», отсутствии символического смысла у российских регионов, неструктурированности и отсутствии импульса саморазвития, отсутствии у русских «архетипа дома» и самого понятия «малая родина». С точки зрения О.И. Шкаратана, региональная идентичность в России создается на базе качественно новых городских локальных субкультур [3], путем преодоления экстенсивной культуры и традиционного общества. Некоторые социологи, напротив, рассматривают современную российскую региональную идентичность как подтверждение их концепций о доминировании в России традиционализма.

Ф. Ратцель отмечал, что мерой развития культуры является уровень духовной связи человека с конкретной территорией. Отсутствие оседлости — это отсутствие «нравственного корня» [4]. Процесс возникновения капитализма К. Маркс определяет выводом, что «рабочая сила — продукт капиталистического производства — первоначально должна возникнуть до и вне капитализма»: необходимо появление массы людей, «внезапно вырванных из обычной жизненной колеи», согнанных с веками насиженных мест и превращающихся в «нищих, разбойников, бродяг» [5].

В настоящее время идентичность микро- и макросоциальных систем чаще рассматривается не столько как признак застойности, их стагнации или слабости, сколько как признак их долговременной результативности, внутренней мощи [6]. М.П. Крылов предлагает считать равнозначными и дополнительными «культуру укорененности» и «культуру мобильности». Региональная идентичность рассматривается как «воля к жизни и развитию на данной территории». Если энергия — способность совершать работу, то идентичность — это способность к социокультурной,

гражданской и экономической активности [7]. М.П. Крылов выделяет основные ракурсы: транстрадиционный, традиционалистский, надтрадиционный. Он считает, что транстрадиционная идентичность в наибольшей степени отражает культуру укорененности. К транстрадиционному ракурсу относит характеристики любви к родному городу, краю, российского патриотизма. С его точки зрения, надтрадиционная идентичность хорошо «вписывается» в идеи о «сетевом обществе», не связанном с традицией предшествующего развития, об исчерпании роли факторов истории в обществе всеобщей мобильности будущего. Транстрадиционная и традиционалистская культуры рассматриваются как формы проявления культуры укорененности как дополнительной (неальтернативной) к культуре мобильности. Укорененность в этой культуре есть лишь временный пространственный базис для сиюминутных проявлений мобильности. Тем не менее, надтрадиционная культура продуцирует идентичность и чувство привязанности к месту, но это чувство является узко рациональным, эгоистичным (оно связан не с «любовью», а с «выбором»). Несмотря на то, что эти культуры базируются на разных ценностях, они объединяются на основе самоидентификации как «местного». Причем, каждый из ракурсов характеризуется своим императивом. Надтрадиционная идентичность — «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, «продвинутые» — поэтому я выбираю тот город, где я живу». Транстрадиционная — «мы любим свою землю, наш край, потому что это — наша земля». Традиционалистская — «мы лучше других, потому, что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы — другие». Характерно, что самоидентификация как местного определяет не только местный, но и российский патриотизм.

Местная культурная установка, в значительной степени предопределяющая характер, «силу» и внутреннюю логику местной региональной идентичности, позволяет предполагать существование внутренних (неконъюнктурных) источников ее формирования. Региональная идентичность — это скорее реальный, а не виртуальный феномен, отражающий преемственность самосознания местных общностей и не являющийся следствием компенсаторной реакции, продуцируемой комплексом неполноценности «провинциала» перед «престижными» столицами (там, где комплекс неполноценности развит, самосознание является понижен-

ным). Детерминанты идентичности носят региональный характер и никак не сводятся к характеристикам возраста или уровня образования. Безусловно, традиция не является единственным источником формирования идентичности.

1. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108—115.

2. Куренной В.А. Русский экшн: структурно-социальный анализ // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 279.

3. Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. № 3. С. 55.

4. Политическая география по Ратцелю // Землеведение. 1899. Кн. 3. С. 53.

5. Бородай Ю.М. и др. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974. С. 112—115.

6. Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 13.

7. Крылов М.П. Феномен региональной идентичности в Европейской России: концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М., 2002. С. 104—117.

М.Ю. Биктуганова
Екатеринбург

СИМВОЛ В НАУКЕ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Повседневная жизнь человека наполнена символами, которые напоминают ему что-либо, воздействуют на него, разрешают и запрещают, поражают и покоряют. Человек творит мир символов и сам оказывается в центре его. Чтобы постигать мир, человек создает научные символы, на основе наблюдений и опыта формирует рациональную картину мира.

Человек живет не только в мире разума, но и в мире религии, искусства, истории, языка. Для теоретического описания этой реальности Эрнст Кассирер¹ вводит понятие «символ», среди различных концепций символа наиболее разработанной представляется его концепция символических форм.

---

¹ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.